

приобщить искушенных читателей к своему звуко-символическому восприятию. Как представляется, результаты фоносемантических работ могут оказаться весьма продуктивными при исследовании поэтических произведений. Характер семантизирующих звучание процессов может стать ключом к декодированию особенностей идеостиля поэтов, особенно таких, творчество которых опирается на язык зауми, как у В. Хлебникова. Фоносемантический анализ помогает продемонстрировать, что художник не бездумно «играет» звуком, а в силу свойственного ему особенного мышления пытается привести в соответствие фонему стиха с создаваемым им образом. В соответствии с данными психолингвистики различия в звуковой интерпретации поэтического текста у разных авторов могут быть объяснены особенностями когнитивной деятельности художника, порождающей ментальные репрезентации различных типов.

Литература.

1. Жирмунский В. М. Теория стиха. М., 1975. С. 253.

2. Воронин С. В. Основы фоносемантики. Л., 1982.
3. Журавлев А. П. Фонетическое значение. Л., 1974.
4. Левицкий В. В. Семантика и фонетика. Черновцы, 1973.
5. Журавлев А. П. Звук и смысл. М., 1981.
6. Выгодский Д. Л. Из эвфонических наблюдений // Пушкинский сборник. М., 1923. С. 50–58.
7. Кожевникова Н. А. Звуковая организация текста в произведениях А. С. Пушкина // Проблемы структурной лингвистики. М., 1989. С. 287–325.
8. Эйхенбаум Б. И. О поэзии. Л., 1969.
9. Кондратов А. М. Звуки и знаки. М., 1978. С. 189 - 190.
10. Любимова Н. А., Пинежанинова Н. П., Сомова Е. Г. Звуковая метафора в поэтическом тексте. СПб, 1999. С. 81–82.
11. Гончаренко С. Ф. Стилистический анализ испанского стихотворного текста. М., 1988.
12. Хлебников В. Наша основа: собр. соч. Л, 1928–1933. Т. 5.

E. G. SOMOVA. POETIC TEXT AS THE OBJECT OF PHONOSEMATIC RESEARCH

The article deals with the phonetic components of organization of poetry, generating artistic image. It is considered that phonosemantic approach to the study of the poetic text is able to identify any additional connotative information generated by sound symbolism, as well as the key to decoding features of poet's ideostyle.

Key words: the poetic text, phonosemantics, sound symbolism, artistic image, ideostyle

Р. В. КАРАПЕТОВА

Д. Д. БЛАГОЙ ОБ А. С. ПУШКИНЕ И Ф. М. ДОСТОЕВСКОМ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «МОСКВА»)

Автор характеризует исследование параллелей в произведениях А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского, приведенное на страницах журнала русской культуры «Москва» в начале 70-х годов XX века.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский, журнал «Москва», русская литература.

Работа литературного критика Д. Д. Благого была опубликована в «Москве» в 1971-м году. При исследовании журналов этого периода, она обратила на себя внимание уже своим названием. В заглавие была вынесена фамилия писателя, негативно воспринимавшегося советской критикой за его религиозный и антисоциалистический пафос. Это Федор Михайлович Достоевский. Буквально с первых строк поразила необычайная прозрачность и смелость автора, новизна и научная значимость его исследования. Суть работы заключалась в сравнительно-историческом анализе ключевых трудов Федора Михайловича и произведений Александра Сергеевича Пушкина, наиболее повлиявших (по мнению автора статьи) на их создание.

Работа Д. Д. Благого заметна еще и тем, что это одно из первых в советский период исследований творчества писателя. Однако наиболее

полный и глубокий взгляд, а главное верный, по нашему мнению, угол зрения представлен в работах не менее известного критика «правого» крыла Ю. Селезнева – «В мире Достоевского» (1980) и «Достоевский» (1985). Представленную здесь картину жизни и творчества великого русского писателя мы возьмем за основу нашего исследования.

Вернемся к статье Д. Д. Благого. Она была написана к 150-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского и посвящена его реализму, который зарождается, формируется и эволюционирует параллельно с гением А. С. Пушкина, под его непосредственным влиянием. Автор приводит порядка 15-ти совпадений и пересечений их личных и творческих судеб, находит параллели сюжетов, приводит различные реминисценции, а главное – мастерски «вычисляет», какое из произведений и даже какая из поэтических строк А. С. Пушкина была положена Ф. М. Достоевским в основу того или иного литературного детища.

Итак, первым в череде совпадений, обусловивших дальнейшее сближение, было участие в освободительном движении. Благодаря этому гений А. С. Пушкина обогатил русскую литературу «пафосом современности», внося в нее «политическую, общественную, философскую, этическую, эстетическую проблематику всего столетия» (С. 120).

Однако на долю Федора Михайловича выпали более суровые испытания. В 1848 году он начинает посещать так называемые «Пятницы» социалиста Петрашевского. После одного из таких вечеров его вместе с другими членами кружка арестовывают и впоследствии приговаривают к смертной казни. В день, который должен был стать для Ф. М. Достоевского последним, он узнает, что наказание ему заменили на каторжные работы, «но та страшная пытка, та душевная травма, которую он пережил, до последней минуты не зная о замене меры наказания <...> оставили в нем неизгладимые следы на всю жизнь» (С. 203). Именно там, на каторге, он впервые перешагнул ту черту, которую А. С. Пушкин только указал – «он видел теперь этот народ, об освобождении которого так мечтал, не со стороны (я – это все-таки я, а они – это все-таки они), но разделяя с ними собственную судьбу. И думая об этих несчастнейших из народа, реального – не идеального, того, что рисовался им, петербургским комнатным мечтателям, он все более убеждался, сколь прискорбно нелепыми, далекими от живой действительности были их прежние утопические иллюзии о переустройстве одним махом всей жизни на разумных началах, об осчастливлении незнаемого ими народа путем навязывания неведомых ему теорий общественного благоустройства. И бездна открылась ему. Бездна между ним и народом» (С. 230). Эта цитата из книги Юрия Селезнева как нельзя лучше демонстрирует движения души будущего великого писателя, находящегося в заключении. Здесь же говорится о том, что именно на каторге Ф. М. Достоевский вспомнил давно забытый эпизод из детства – встречу в поле с простым мужиком Мареем, который добрым словом успокоил мальчика, испугавшегося волка. После этого «откровения» Федор Михайлович словно другими глазами взглянул на сокамерников, возлюбив их – своих ближних – как самого себя: «В страдании очищается душа от гордыни самообожествления, в страдании яснее истина» (С. 235). Читая книгу Ю. Селезнева «Достоевский», построенную на внутреннем монологе великого писателя, мы видим происходящее его глазами. Так становятся понятны многие эпизоды и даже замыслы произведений. Отсюда видно, что не только А. С. Пушкин был идейным вдохновителем Ф. М. Достоевского. Его вдохновлял народ, представители которого – сокамерники – были его соавторами [3].

«Московский» автор Д. Д. Благой в своем исследовании стремится утвердить мысль о том, что не только и не столько Пушкина можно увидеть в Достоевском: «этот же анализ освещает обратным – отраженным – светом и некоторые элементы и

явления всеобъемлющего пушкинского творчества, находящиеся в несомненном соответствии с будущим творчеством Достоевского» (С. 126). Иными словами, если зерно, упавшее в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то даст много плодов (Евангелие от Иоанна XII. 24). Эти евангельские слова высечены на надгробье Федора Михайловича. Они о нем и его великом учителе.

Первое произведение, в котором критик явно увидел наложение творческих линий – роман «Бедные люди». Зерно, брошенное А. С. Пушкиным на литературную ниву в виде образа мелкого чиновника, проросло и дало свои плоды. В отечественной литературе появилась целая галерея образов «маленьких людей», наиболее яркими из которых являются гоголевский Акакий Акакиевич Башмачкин и Макар Девушкин Достоевского [4]. Автор статьи, желая восстановить историческую справедливость, перефразирует известное выражение, приписываемое критикой самому Федору Михайловичу, – «Все мы вышли из «Шинели» Гоголя», утверждая, «что герой «Бедных людей» литературно вышел из-под того «овчинного тулупа», которым прикрывался пушкинский стационарный смотритель» (С. 125).

Юрий Селезнев же в своей работе раскрывает шире тот исторический и литературный подтекст, который лег в основу романа «Бедные люди». Это и девушка Надя, – соседка в доме, где он снимал комнату, и надоевшая «как картофель» служба в чине титулярного советника в чертежной инженерного департамента, и, наконец, одиночество и страх человека, затерявшегося в большом и чужом городе – Петербурге.

Далее Д. Д. Благой в своей статье буквально делает открытие для советского читателя: знакомит с малоизвестной повестью Ф. М. Достоевского «Слабое сердце», герой которой – мелкий чиновник, маленький человек, который, решившись жениться и даже получив согласие невесты, теряет должность и сходит с ума. А его старший товарищ и сосед по скромной комнате в день похорон, глядя на Неву и заснеженный вечерний Петербург, словно прозревает, увидев в этом мрачном и зыбком пейзаже нечто ранее потаенное, сокровенное и важное [5].

В книге Ю. Селезнева находим слова самого классика, перенесенные со страниц вышеупомянутой повести в журнал «Время»: «Казалось <...> что весь этот мир, со всеми жильцами его, сильными и слабыми, со всеми жилищами их, приютами нищих или раззолоченными палатами в этот сумеречный час походит на фантастическую, волшебную грезу, на сон, который, в свою очередь, тотчас исчезнет и исcurится паром к темно-синему небу» (С. 302). Писателя Ф. М. Достоевского, а в его рассказе – героя Аркадия Ивановича, – в этот момент посещает странная мысль – будто только теперь они узнали и поняли всех людей на свете, разделили их боли и чаяния и приняли их свои душевные раны. Этим эпизодом Ю. Селезнев далее приводит читателя к мысли об открывшейся Федору Михайловичу

неисчерпаемой любви к ближним, хотя в полной мере писатель осознает и принимает ее лишь на каторге.

Об этой записи «видения на Неве» самого писателя чуть позже в статье говорит и Д. Д. Благой. И даже рассказывает читателям о журнале «Время», созданном Ф. М. Достоевским в 1861 году, где он полемизировал с современными ему критиками из других изданий (Добролюбовым, Катковым и другими), поднимая самые злободневные вопросы. В частности, он заступался за А. С. Пушкина, отстаивая его звание «величайшего «народного» поэта-художника» (С. 127). А в первом номере издания, во «Введении» к ряду своих статей о русской литературе и были помещены «Петербургские сновидения в стихах и прозе», содержащие, «несмотря на легкую, подчеркнута «фельетонную» форму, нечто весьма серьезное – своего рода итоговый обзор пройденного им до этого времени жизненного пути и одновременно основного содержания его творчества 40-х годов» (С. 127). Предварялись же эти размышления «видением на Неве» – заключительными строчками из «Слабого сердца», только сказанными от лица самого писателя, а не его героя.

Таким образом, Д. Д. Благой подводит читателя к следующему: как и пушкинский герой «Медного всадника», которого он называет прообразом мелкого чиновника Васи из «Слабого сердца», писатель и созданный им персонаж в тот роковой зимний вечер узрели всю призрачность и пустоту Петербурга как города, построенного на болотах и человеческих костях, а значит, не имеющего корней и враждебного для любой живой души: «... город над морем и Невой (олицетворение всего последующего строя русской общественно-политической жизни), город, лишенный корней в родной земле (здесь уже зерно

будущего почвенничества Достоевского)» (С. 127).

Эта мысль – крамольная сама по себе для советской эпохи – не могла не вызвать интерес у читателей, что для журнала, транслирующего позицию власти и имевшего вследствие этого репутацию «скучного», было весьма немаловажно. Тем более, что редакция, как вытекает из анализа номеров двух десятилетий (1970-х и 1980-х), сделала для себя целью постепенно знакомить аудиторию с настоящими идеями, а не фальшивыми лозунгами, и прививать хороший вкус в выборе богатой русской литературы.

Автор Д. Д. Благой адресует своему читателю зашифрованное послание, говоря о том, что осмысление творчества Ф. М. Достоевского заключается в понимании его «гуманистической веры в конечное торжество человеческого в человеке», по-видимому, надеясь, что вдумчивый и глубокий читатель отсеет идеологическую «шелуху», оставив только веру в Христа, как главное зерно творений подлинно русских гениев.

Литература

1. Благой Д. Д. «Достоевский и Пушкин» // Москва. 1971. № 11. С. 201. Далее произведение цитируется по этому изданию, в круглых скобках указываются страницы.
2. Селезнев Ю. И. Достоевский. М., 1981. Далее произведение цитируется по этому изданию, в круглых скобках указываются страницы.
3. Татаринов А. В. Диалог с Достоевским // День литературы. 2008. 06(140).
4. Кожин В. В. Роман – эпос нового времени // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры. М., 1964.
5. Селезнев Ю. И. В мире Достоевского. М., 1980.

R. V. KARAPETOVA. D. D. BLAGOY FOR A. S. PUSHKIN AND F. M. DOSTOEVSKY (ON THE MAGAZINE «MOSCOW»)

On the creative way F.M. Dostoevsky through the prism of biography A.S. Pushkin. Detection and investigation of parallels in the works of the classics given on Russian culture magazine «Moscow» in the early 70-ies of XX century.

Key words: magazine «Moscow», Russian literature, realism, genius, image problems, the pathos of modernity.

Ю. А. РЫЖЕНКО

СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГЛАГОЛЬНО-ЛИЧНЫХ ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

В статье рассматривается синтаксическая природа определенно-личных, неопределенно-личных и обобщенно-личных односоставных предложений; исследуются их структура, семантика, функционирование.

Ключевые слова: структурно-семантическое направление, односоставные предложения, вещественное и грамматическое значение, грамматическая форма.

Учение об односоставных предложениях, которые «представляют собой один из продуктивных типов простого предложения, вызванных к жизни потребностями человеческого мышления

и общения» [1], занимает важное место в теории синтаксиса и имеет длительную историю. Более полувека тому назад академик В.В. Виноградов, говоря о проблемах изучения простого